

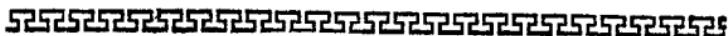
ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

Л. СОБОЛЕВ

Морская дщца

Издательство «Правда»
1945

МОРСКАЯ ДУША

Шутливо и ласковое это прозвище краснофлотской тельняшки, давно бытавшее на флоте, приобрело в Великой Отечественной войне новый смысл, глубокий и героический.

В пыльных одесских окопах, в сосновом высоком лесу под Ленинградом, в снегах на подступах к Москве, в путаных зарослях севастопольского горного дубняка — везде видел я сквозь распахнутый как бы случайно ворот защитной шинели, ватника, полушибака или гимнастерки родные сине-белые полоски «морской души». Носить ее под любой формой, в которую оденет моряка война, стало неписанным законом, традицией. И как всякая традиция, рожденная в боях, «морская душа», полосатая тельняшка, означает многое.

Так уж повелось со времен гражданской войны, с орлиного племени матросов революции: когда на фронте нарастает опасная угроза, Красный Флот шлет на сушу всех, кого может, и моряки встречают врага в самых тяжелых местах.

Их узнают на фронте по этим сине-белым полоскам, прикрывающим широкую грудь, где гневом и ненавистью горит за флот душа моряка, — веселая и отважная краснофлотская душа, готовая к отчаянному порой поступку, незнакомая с паникой и унынием, честная и верная душа большевика, комсомольца, преданного сына родины!

Морская душа — это решительность, находчивость, упрямая отвага и неколебимая стойкость. Это — веселая

удаль, презрение к смерти, давняя матросская ярость, лютая ненависть к врагу. Морская душа — это нелицемерная боевая дружба, готовность спасти раненого, поддержать в бою товарища, грудью защитить командира и комиссара.

Морская душа — это высокое самолюбие людей, стремящихся везде быть первыми и лучшими. Это — удивительное обаяние веселого, уверенного в себе и удаливого человека, немножко любующегося собой, немножко пристрастного к эффектности, к блеску, к красному словцу. Ничего плохого в этом «немножко» нет. В этой приподнятости, в слегка нарочитом блеске — одна причина, хорошая и простая: гордость за свою ленточку, за имя своего корабля, гордость за слово «краснофлотец», овеянное славой легендарных подвигов матросов гражданской войны.

Морская душа — это огромная любовь к жизни. Трус не любит жизни: он только боится ее потерять. Трус не борется за свою жизнь: он только охраняет ее. Трус всегда пассивен, — именно отсутствие поступка и губит его жалкую, никому не нужную жизнь. Отважный, наоборот, любит жизнь страстно и действенно. Он борется за нее со всем мужеством, стойкостью и выдумкой человека, который отлично понимает, что лучший способ остаться в бою живым — это быть смелее, хитрее и быстрее врага.

Морская душа — это стремление к победе. Сила моряков неудержима, настойчива, целеустремлена. Поэтому-то враги и зовут моряков на суще «черной тучей», «черными дьяволами».

Если они идут в атаку — то с тем, чтобы опрокинуть врага во что бы то ни стало.

Если они в обороне — они держатся до последнего, изумляя врага немыслимой, непонятной ему стойкостью.

И когда моряки гибнут в бою, они гибнут так, что врагу становится страшно: моряк захватывает с собой в смерть столько врагов, сколько он видит перед собой.

В ней — в отважной, мужественной и гордой морской душе — один из источников победы.

1. ФЕДЯ С НАГАНОМ

В раскаленные дни штурма Севастополя из города приходили на фронт подкрепления. Краснофлотцы из порта и базы, юные добровольцы и пожилые рабочие, выздоровевшие (или сделавшие вид, что выздоровели) раненые,— все, кто мог драться, вскакивали на грузовики и, промчавшись по горной дороге под тяжкими разрывами снарядов, прыгали в окопы.

В тот день в Третьем морском полку потеряли счет немецким атакам. После пятой или шестой моряки сами кинулись в контратаку на высоту, откуда немцы били по полку фланговым огнем. В одной из траншей, поворачивая против фашистов их же замолкший и оставленный здесь пулемет, краснофлотцы нашли возле него тело советского бойца.

Он был в каске, в защитной гимнастерке. Но когда в поисках документов расстегнули ее ворот,— под ним увидели знакомые сине-белые полоски флотской тельняшки. И молча сняли моряки свои бескозырки, обводя глазами место неравного боя.

Кругом валялись трупы фашистов — весь пулеметный расчет и те, кто, видимо, подбежал сюда на выручку: В груди унтер-офицера торчал немецкий штык. Откинутой рукой погибший моряк сжал немецкую гранату; вражеский автомат, все пули которого были выпущены в фашистов, лежал рядом. За пояс был заткнут пустой паган, аккуратно прикрепленный к кобуре ремешком.

И тогда кто-то негромко сказал:

— Это, верно, тот... Федя с наганом.

В Третьем полку он появился перед самой контратакой, и спутники запомнили его именно по этому пагану,

вызвавшему множество шуток. Прямо с грузовика он бросился в бой, догоняя моряков Третьего полка. В первые минуты его видели впереди: размахивая своим наганом, он что-то кричал, оборачиваясь, и молодое его лицо горело яростным восторгом атаки. Кто-то заметил потом, что в руках его появилась немецкая винтовка и что, наклонив ее штык вперед, он ринулся один, в рост, к пулеметному гнезду.

Теперь, найдя его здесь, возле отбитого им пулемета, среди десятка убитых фашистов, краснофлотцы поняли, что сделал в бою безвестный черноморский моряк, который так и вошел в историю обороны Севастополя под именем «Феди с наганом».

Фамилии его не узнали: документы были залиты кровью, лицо изуродовано выстрелом в упор.

О нем знали одно: он был моряком. Это рассказали сине-белые полоски тельняшки, под которыми кипела смелая и гневная морская душа, пока ярость и отвага не выплеснули ее из крепкого тела.

2. МАТРОССКИЙ МАЙОР

В тяжелых осенних боях под Перекопом небольшой красноармейской части пришлось влиться в соседний отряд морской пехоты. Командиром этого сводного отряда был немолодой уже майор, артиллерист береговой обороны. Краснофлотцы любовно прозвали его «матросским майором». Он сразу расположил их к себе отвагой, спокойствием, веселым своим нравом и упрямой волей к победе.

«Матросский майор» перед атакой обычно поворачивал морскую свою фуражку золотой эмблемой к затылку. Пояснял он это так:

— Две задачи. Первая — фашистские снайперы эмблемы не увидят, стало быть, не будут специально в меня

целить. Вторая — войско мое, надо понимать, у меня сзади, я же впереди всех в атаку хожу. Вот оно и спокойно,— эмблема сияет и показывает: тут, мол, командир впереди... стало быть, все в порядке...

И он деловито добавлял:

— Вот при отходе, ежели то случится, командир должен фуражку нормально носить. Бойцы назад обернутся, тут эмблема им и доложит: все, мол, в порядке, командир последним отходит...

Но однажды «матросский майор» был вынужден сам изменить этому своему правилу.

Сводный отряд попал в окружение. Кольцо врагов сжималось, оттесняя его к берегу. К ночи моряки и красноармейцы заняли последнюю позицию у самого моря, установили оборону и решили держаться здесь до конца.

К какому именно месту берега вышел отряд в много-дневных боях на отходе,— сказать было трудно. На карте было путаное кружево заливчиков, лиманов, озер, бухт, на местности—одинаковые камыши, кусты да вода. Было ясно одно: впереди и с боков надвигался враг, сзади лежало море. Отступать было некуда.

Конца ожидали утром, когда немцы подтянут силы для уничтожения «черных дьяволов», попавшихся, наконец, в мешок. Пока все было тихо, стрельба прекратилась. В ночи шумел ветер, светила луна. Черное море поблескивало сквозь камыши и кусты широкой и вольной дорогой к Севастополю, бесполезной для отряда.

Просторная даль тянула к себе взоры, и бойцы отряда молча посматривали на море. Но если красноармейцы с горечью и досадой отворачивались от него, негодяя на препятствие, кладущее конец боям и жизни, то моряки, прощаясь с морем, вглядывались в него с тоской и надеждой, все еще веря, что оно не выдаст и выручит.

Но в лунном серебряном море не было ни корабля, ни шлюпки.

«Матросский майор», обойдя охранение, пралег рядом

с военкомом в камыши на плащ-палатку и тоже стал смотреть на Черное море. Вся его военная жизнь — с тех самых дней, когда в гражданскую войну он вступил добровольцем-юношой в матросский отряд и ворвался с ним в Крым по этому же узкому перешейку, — была связана с морем. Каждый день в течение двадцати лет он видел его в прицел орудия, в дальномер, потом в командирский бинокль или в окно сквозь цветы, когда семье удавалось жить с ним вместе на очередной береговой батарее. И теперь мысль, что он видит море в последний раз, казалась ему дикой.

Военком, видимо, разгадал его чувства, или, может быть, и у него защемило сердце от лунного этого простора, неоглядно распахнувшегося над широким морем. Он шумно вздохнул и сказал:

— Да, брат... Хороша вода...

— Хороша, — сказал майор, и они опять надолго замолчали.

Обоим многое хотелось сказать друг другу в эту ночь, которая, как оба отлично понимали, была последней ночью в жизни. Слова сами возникали в душе, необыкновенные и яркие, похожие на стихи. Но произнести их было нельзя.

В них было только прошлое — и не было будущего. В них были далекие, дорогие сердцу люди — и не было места для тех, кто лежал рядом в камышах и верил, что эти два человека совещаются о том, как спасти отряд. Море, прекрасное и родное, вольной своей ширью звало к жизни, и нужно было найти выход из мешка. Но выхода не было — и такая нестерпимая жалость к себе подымалась в душе, что если произнести блуждающие в ней слова вслух, голос мог дрогнуть и глаза заблестеть.

Поэтому оба говорили другое.

— Ветер нынче какой, — сказал военком. — В море шторм, верно.

— Наверное, шторм, — ответил майор.

И они опять замолчали. Потом майор приподнял голову и посмотрел на море с таким неожиданным и живым любопытством, что военком невольно приподнялся за ним и шепнул, не веря надежде:

— Корабль, что ли?

Майор повернулся к нему лицо, и военком заметил в его глазах, освещенных луной, знакомую веселую хитрость.

— Военком,— сказал майор с неистребимой подначкой,— ты и вправду думаешь, что это море?

— А что ж, степь, что ли? — обиделся военком.— Конечно, море.

— Эх, ты, морская душа! — покачал головой майор.— Моря от лужи не отличил!.. Кабы мы у моря сидели, тут такая бы волна ходила, будь здоров! Понятно?

— Ничего не понятно,— честно сказал военком.

— Ну, так поймешь. Фонарь у тебя еще живой?

Майор выдернул из-под себя плащ-палатку и накрыл ею с головой себя и военкома.

Когда командир пулеметного взвода подошел с докладом, что огневые точки готовы к бою, он увидел на песке странное четырехногое существо с огромной головой. Оно ворчало двумя голосами и шелестело бумагой. Потом сно засмеялось высоким заразительным смехом майора и басом военкома, подобрало ноги, и майор вскочил, пряча в планшет карту.

— Окопались? — спросил он оживленно.— Вот и хорошо! Вытаскивайте обратно все пулеметы к воде...:

Через час бойцы отряда осторожно, стараясь не плескаться, пробирались друг за другом по грудь в холодной воде, подняв над головами автоматы и оружие. Пулеметы несли на связанных винтовках, а пять их еще стояло в кустах, охраняя отход, и возле них лежал военком

Море, к которому немцы прижали отряд, оказалось лиманом, мелким и спокойным. Ветер распластывал над

водой ленточки бескозырок, но по лиману бежали только короткие, безобидные волны. Настоящее же Черное море гремело и перекатывалось рядом, за низкой песчаной косой.

И хотя это было отходом, а не атакой, майор на этот раз шел впереди, повернув фуражку эмблемой назад. Эмблема блестела в лунных лучах, указывая отряду дорогу, и «матросский майор», то-и-дело погружаясь по горло, нащупывал ногой дорогу к Севастополю, идя через неизвестный лиман так же, как двадцать лет назад, когда он переходил через Сиваш и когда впервые узнал, что не всякая широкая вода — море.

3. НЕОТПРАВЛЕННАЯ РАДИОГРАММА

Маленький катер, «морской охотник», попал в беду. Он был послан для ночной операции к берегу, захваченному врагом. В пути его встретил шторм. Катер пробился сквозь снег, пургу и седые валы, вздыбленные жестким ветром. Он обледенел — и сколол лед. Он набрал внутрь воды — и откачал ее. Но задание он выполнил.

Когда он возвращался, ветер переменился и снова дул навстречу. Шторм заставил израсходовать лишнее горючее, а потом волна засыпалась в цистерну с бензином. Катер понесло к берегу, занятому врагом.

Дали радио с просьбой помочь — и замолчали, потому что мотор радиостанции работать на смеси бензина с водой отказался.

Катер умирал, как человек. Сперва у него отнялись ноги. Потом он онемел. Но слух его еще продолжал работать. И он слышал в эфире свои позывные, он принимал тревожные радио, где запрашивали его точное место,— потому что без точного места найти маленький катер в большом Черном море трудно.

Двое суток моряки слышали эти поиски, но ответить не могли.

На катере, между тем, шла жизнь. Командир его старший лейтенант Попов прежде всего разрешил проблему питания. Ветер мог перемениться — и тогда катеру предстояло дрейфовать на юг неделю, может, две. Попов приказал давать краснофлотцам сколько угодно сельдей и хлеба и не ограничивать потребление пресной воды, которой было много. Расчет его оправдался. Когда к вечеру он спрашивал, не пора ли варить обед, краснофлотцы, поглаживая налитые водой желудки, отвечали, что аппетита еще нет и консервы можно пока поберечь.

В кубрике, как на вахте, постоянно стояли по-двое краснофлотцы, широко расставив ноги и держа в руках ведро. Они старались держать его так, чтобы оно не болталось на качке. Еще один расчет командира оправдался: бензин в ведре, выключенном из качки, отделялся от воды. Его осторожно сливали, вновь наполняли ведро смесью и вновь держали его на руках, дожидаясь, пока бензин отстоится. Так к концу вторых суток получили, наконец, порцию горючего, достаточную для передачи одной короткой радиограммы.

Она была заготовлена Поповым в двух вариантах: Первый был одобрен комсомольским и партийным собранием катера и приготовлен на тот случай, если радио заработает в видимости вражеского берега:

«...числа... часов... минут... Вражеский берег виден в... милях тчк С каждой минутой он приближается тчк Выхода нет тчк Будем драться до последнего патрона в последний момент взорвемся тчк Умрем живыми врагу не сдадимся тчк Прощайте товарищи привет родине товарищу Сталину тчк Командир военком команда катера 044».

Но ветер изменился, и катер стало относить от берега. Поэтому отправили второй вариант: свое точное место и сообщение, что радио работает последний раз и что катер надеется на помощь.

Она пришла своевременно.

4. ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО

Передний склон высоты 127.5, расположенной у хутора Мекензи, обозначался на карте загадочной припиской: «Где старшина второй статьи на танке катался».

В начале марта в одном из боев за Севастополь Третий морской полк перешел в контратаку на высоту 127.5. Атака поддерживалась танками и артиллерией Приморской армии. Высота была опоясана гремя ярусами немецких окопов и дзотов. Бой шел у нижнего яруса, артиллерия била по вершине, парализуя огонь фашистов, танки ползали вдоль склона, подавляя огневые точки противника.

Один из танков вышел из боя: на нем был тяжело ранен командир. Танк спустился со склона и остановился у санчасти. Не успели санитары вытащить из люка раненого, как из кустов подошел к танку рослый моряк с повязкой на левой руке, видимо, только-что наложенной. Оценив обстановку и поняв, что танк без командира вынужден остаться вне боя, он ловко забрался в танк.

— Давай прямо на высотку, не ночевать же тут,— сказал он водителю и, заметив его колебание, авторитетно добавил: — Давай, давай. Я — старшина второй статьи, сам катера водил, дело привычное... Полный вперед!

Танк помчался на склон. Он переполз и первый и второй ярусы немецких окопов, забрался на вершину и добрых двадцать минут танцовала там, крутясь, поливая из пулеметов и пушки, давя фашистов гусеницами в их норах. Рядом вставали разрывы наших снарядов,— артиллерия никак не предполагала появления нашего танка на вершине. Потом танк скатился с высоты так же стремительно, как забрался туда, и покатил прямо к кустам, где сидели корректировщики артиллерии.

И тут старшина второй статьи изложил лейтенанту свою претензию:

— Товарищ лейтенант, нельзя ли батареям перенести

огонь? Я бы там всех гансов передавил, как клопов, а вы кроете, спасу нет. Сорвали мне операцию...

Но, узнав с огорчением, что его прогулка на вершину мешает заградительному огню, моряк смущенно выскочил из танка и сожалеюще похлопал ладонью по его броне:

— Жалко, товарищ лейтенант, хороша машина... Ну, извините, что поднапутал...

И, подкинув здоровой рукой немецкий автомат (с которым он так и путешествовал в танке), он исчез в кустах. Только о нем и узнали, что он «старшина второй статьи», да запомнили сине-белые полоски «морской души» — тельняшки, мелькнувшей в вырезе ватника, закопченного дымом и замазанного кровью.

Вечером мы пытались найти его среди бойцов, чтобы узнать, кто был этот решительный и отважный моряк, но военком полка, смеясь, покачал головой.

— Бесполезное занятие. Он, небось, теперь мучается, что не по тактике воевал, и ни за что не признается: А делов на вершинке наделал: танкисты рассказали, что одно пулеметное гнездо он с землей смешал — приказал на нем крутиться, а сам из люка высунулся и здоровой рукой кругом поливает из своего автомата... Морская душа, точно...

5. «ПУШКА БЕЗ МУШКИ»

Как известно, на каждом корабле имеется своя достопримечательность, которой моряки гордятся и которой обязательно прихвастиут перед гостями. Это: или особые грузовые стрелы неповторимых очертаний, напоминающие неуклюжий летательный аппарат и называющиеся поэтому «крыльями холопа», или необыкновенный штурмовой коридор от носа до кормы, каким угощают вас на лидере «N», ручаясь, что по нему вы пройдете в любую погоду, не замочив подошв. Иной раз это скромный

краснофлотец по первому году службы, оказывающийся чемпионом мира по плаванию, иногда, наоборот, замшелый, поросший седой травой корабельный плотник, служащий на флоте с нахимовских времен.

Морская часть на берегу во всем похожа на корабль. Поэтому в той бригаде морской пехоты, которой командовал под Севастополем полковник Жидилов, оказалась своя достопримечательность.

Это была «пушка без мушки».

О ней накопилось столько легенд, что нельзя уже было понять, где тут правда, где неистребимая флотская подначка, где уважительное восхищение и где просто зависть соседних морских частей, что не они выдумали это необыкновенное и примечательное оружие.

Кто-то уверял меня, что полковник взял эту пушку в музее севастопольской обороны. Кто-то пошел еще дальше и утверждал, что «пушка без мушки» палила еще по Мамаю на Куликовом поле, но, видимо, вспомнив, что тогда еще не было огнестрельного оружия, спохватился и сказал, что исторически это еще не доказано, но то, что пушка эта завезена в Крым еще Потемкиным,— уж, конечно, неоспоримый факт.

О ней говорили еще, что она срастается по ночам сама, вроде сказочного дракона, который, будучи разрублена на куски, терпеливо приклевывает к телу отделенные части организма, поругиваясь, что никак не может отыскать в темноте нужной детали — глаза или правой лапы. Впрочем, рассказы этого сорта родились из показаний пленных немцев: примерно так они и говорили о какой-то «бессмертной пушке», которую они никак не могут уничтожить ни снарядами, ни минами.

Все это так меня заинтересовало, что специально для этого я выехал в бригаду, чтобы посмотреть «пушку без мушки» и собрать о ней точные сведения. Вот вполне проверенный материал об этой диковинке, за правдивость которого я ручаюсь своей репутацией.

Где-то в Евпатории на складе Металлома полковник Жидилов еще осенью наткнулся на четыре орудия. Это были вполне приличные орудия,— каждое на двух добрых колесах, каждое со стволом и даже с замком. Самым ценным их качеством, привлекшим внимание полковника, было то, что к ним прекрасно подошли 76-миллиметровые снаряды зениток, которых в бригаде было хоть пруд пруди. Недостатком же их были некоторая устарелость конструкции (образец 1900 года) и отсутствие прицелов.

Первая причина полковника не смущила. Как он утверждал, в войне годится всякое оружие, вопрос лишь в способе его применения. Раз к данным орудиям подходили снаряды и орудия могли стрелять, им и полагалось стрелять по немцам, а не ржаветь бесполезно на складе.

Вторая причина — отсутствие прицелов и решительная невозможность приспособить к этой древней постройке современные — также была им отведена. Полковник, выслушивая жалобы на капризы техники, обычно отвечал мудрой штурманской поговоркой: «Нет плохих инструментов, есть только плохие штурмана!» И он тут же блестяще доказал, что для предполагаемого им применения этих орудий — прицелы вовсе не нужны.

Одну из пушек выкатили на пустырь. Удивляясь перемене судьбы и покряхтывая лафетом, старушка развернулась и уставилась подслеповатым своим жерлом на подбитый бомбой грузовик метрах в двухстах от нее. Наводчик, обученный полковником, присел на корточки и, заглядывая в дуло, как в телескоп, начал командовать морякам, взявшимся за хобот лафета:

— Правей... Еще чуть правей... Теперь чуточку левей... Стоп!

Потом замок щелкнул, проглотив патрон, и старая мушка ахнула, сама поразившись своей прыти: грузовик подскочил и повалился набок.

Именно так все четыре «пушки без мушки» были впо-

следствии немецкие машины на шоссе возле Темишева. Их установили в укрытии для защиты отхода бригады, и они исправно повалили десять немецких грузовиков с пехотой, добавив разбегающимся немцам хорошую порцию шрапнели прямой наводкой. Именно так они были по танкам, и так же работала под Итальянским кладбищем последняя «пушка без мушки». Три остальных погибли в боях: их пришлось оставить при переходе через горы, где тракторы были нужны для более современных орудий. Но четвертую полковник все же довез до Севастополя.

Здесь ей дали новую задачу: работать как кочующее орудие. Ее устанавливали в двухстах-трехстах метрах от немецких окопов и, выбрав время, когда артиллерия начинала бить по немцам, добавляли и ее под общий шум. Маленькие, но злые ее снаряды точно ложились в траншеи, пока разъяренные немцы не распознавали места «пушки без мушки». Тогда на нее сыпался ураган снарядов и мин.

Ночью моряки откапывали свою «пушку без мушки» из завалившей ее земли, впрягались в нее и без лишнего шума перетаскивали на новое место поближе к немцам, отрыв рядом надежное укрытие для себя. Немцы снова с изумлением получали на голову точные снаряды бессмертной пушки — и все начиналось сначала.

С гордостью представляя мне свою любимицу, военком бригады, бригадный комиссар Ехлаков подчеркнул:

— Золото, а не пушка. В нее немцы полторы сотни снарядов зараз кладут, а сделать ничего не могут. Расчет в блиндаже покуривает, а ей, голубушке, эта стрельба безопасна. Ты сам посуди: прицела нет, панорамы нет, ломких деталей нет, штурвальчиков разных нет. Есть ствол да колеса. А их только прямым попаданием разобьешь. Когда-то еще прямое будет, а на осколки она чихает с присвистом... Понятно?

В самом деле, все было понятно.

6. ПОДАРОК ВОЕНКОМА

Мы сидели в подвале разрушенной чайханы под Итальянским кладбищем, где было что-то вроде клуба для моряков третьего батальона, и снайпер Васильев показывал мне свою записную книжку. В ней стояли только цифры. Так, запись 14—9/1—2 означала, что четырнадцатого числа Васильев убил девять солдат и одного офицера и ранил двух (кого именно — офицеров или солдат — Васильев из самолюбия не помечал: промах, не очень чистая работа!). Он рассказывал мне, как сговаривается с минометчиками,— они дают залп по траншее, а он бьет выбегающих оттуда немцев,— как выслеживает он троих, как выползает на свою позицию на откосе скалы,— и, говоря это, он все время с завистью косил взглядом в угол «клуба».

Там в полутьме играл баян, и военком бригады плясал. Это был его отдых.

Военком был удивительным человеком, сгустком энергии, пружиной, все время жаждущей развернуться и увлечь за собой других. Везде на переднем крае, куда бы он меня ни приводил, я замечал оживление, неподдельную радость и в то же время некоторую опасливость,— а не скажет ли, мол, сейчас военком знакомой и обидной фразы: «Заснули, орлы? Чего фрицев не тревожите? Может, война кончилась, я нынче газету не читал?..»

И везде, где я его сегодня видел, он «тревожил фрицев». Так он нашел цель для минометчиков, дождался, пока они ее не накрыли, перетащил знаменитую «пушку без мушки» на новую позицию и не успокоился, пока она не вызвала на себя яростный, но бесполезный огонь («пускай гансы боезапас тратят!»), снарядил разведчиков на ночь за «языком», отправил в тыл раненых и теперь, томясь безработицей, плясал.

— Сколько же всего у вас на счету? — спросил я Васильева.

— Я месяц раненый пролежал, — ответил он, как бы извиняясь. — Тридцать семь... То-есть, собственно, тридцать пять: двоих мне бригадный комиссар от себя подарили.

И он рассказал, что вначале он стрелял из обыкновенной трехлинейки. Когда же он уложил десятого фрица, военком, следивший за каждым снайпером, сам прислонился к нему на скалу, чтобы торжественно вручить ему снайперскую винтовку с телескопическим прицелом. Он пролежал с ним рядом в его укрытии, рассматривая передний край немцев и отыскивая, где бы их вечером «потревожить». Но тут на тропинку вылезли два солдата, и военком не выдержал. Он молча взял у Васильева новую винтовку и пристрелил обоих подряд.

— Я, конечно, в свой счет их бы не поставил, — закончил Васильев. — Но военком приказал: «Бери, говорит, их себе. Во-первых, я просто не стерпел, во-вторых, винтовка не моя, а в-третьих, мне счета вести не к чему, я им и счет потерял...»

И я вспомнил, какой счет имел бригадный комиссар.

В декабрьский штурм Севастополя командный пункт бригады вместе с военкомом оказался отрезанным. Командира бригады не было (раненый, он был увезен накануне), но военком спас и штаб, и всю бригаду. Он выслал ползком через фашистские цепи восемь отважнейших моряков-автоматчиков. Пункт уже забрасывали гранатами, когда эти восемь начали бить в спину наступающим, а военком с оставшимися у него моряками встретил врагов в лицо огнем и гранатами. «Кругом ком-пункта все сине было от мундиров», — так рассказали мне исход этого боя краснофлотцы бригады.

Баян замолк, и военком подошел к нам.

— Ну, наговорился, что ли? Время-то идет, — сказал он и стремительно пошел к выходу.

Ватник его был расстегнут, и сине-белые полосы тельняшки, с которой он не расставался с временем давней краенофлотской службы, извилистой линией волны вздымались над его широко дышащей грудью.

7. СТРАШНОЕ ОРУЖИЕ

Бомбардировщик возвращался с боевого задания. В бою с «мессершмиттами» он израсходовал почти все патроны и оторвался от своей эскадрильи. Теперь он шел над Черным морем совершенно один во всем голубом и неприятно-высоком небе.

Именно оттуда, с высоты, и свалился на него «Мессершмитт-109».

Первым его увидел штурман Коваленко. Он пострелял сколько мог и замолчал. Стрелок-радист дал врагу подойти ближе и, тщательно целясь, выпустил свои последние патроны, потом доложил об этом летчику.

— Знаю,— ответил Попко.— Будем вертеться.

И самолет начал вертеться. Он уходил от светящейся трассы пуль как-раз тогда, когда они готовы были впиться в самолет. Он пикировал и взмывал вверх. Он делал фигуры, невозможные для его типа. Пока-что это помогало: он получил только несколько безобидных пробоин в крылья.

Фашистский летчик, очевидно, понял, что самолет безоружен. Но, видимо, он слышал кое-что о советском таране и побаивался бомбардировщика. Вся игра свелась к тому, что «мессершмитт» старался выйти в хвост на дистанцию бесспорно верной стрельбы.

Наконец ему это удалось. Стрелок-радист увидел немца прямо за хвостом и невольно нажал гашетку. Но стрелять было нечем. Стрелять мог только враг. Это был конец.

Тут что-то замелькало вдоль фюзеляжа бомбардировщика. Белые странные цилиндры стремительно мчались к

мессершмитту». Они пролетали мимо него, они стучали по его крыльям, били в лоб. Они попадали в струю винта и разрывались невиданной, блистающей на солнце, очень крупной и медленной шрапнелью. Один за другим вылетали из кабины штурмана эти фантастические снаряды:

«Мессершмитт» резко спикировал под хвост бомбардировщику, в одно мгновение потеряв выгодную позицию. Теперь уйти от него было легко, и скоро фашист отстал, видимо, сберегая горючее для возвращения.

Радист передохнул и вытер на лбу пот.

— Отвалил фриш,— доложил он летчику и любопытно спросил: — Чем это вы в него стреляли, товарищ капитан?

— Нечем нам тут стрелять,— ответил в трубке голос Попко.— Я и сам удивляюсь с чего это он отскочил?

Тогда в телефон ворвался голос штурмана Коваленко:

— Это я его отшил. Злость одолела,— ишь, как подобрался, стервец... Чорт его знает, думаю, а вдруг он их за какие-нибудь новые снаряды примет?

— Чего это — их? — не понял Попко.

— Листовки. Я же в него листовками швырялся, всю руку отмотал, пачки-то увесистые...

И весь экипаж — летчик, радист и штурман — засмеялся. Смеялся, кажется, и самолет. Во всяком случае, он потряхивал крыльями и шатался в воздухе, как шатается и трясет руками человек в припадке неудержимого хохота.

Потом, когда все отсмеялись, самолет выправился и степенно пошел к базе совершенно один в чистом и очень приятном для глаза голубом высоком небе.

8. ПОЕДИНОК

Группа моряков-добровольцев была сброшена ночью на парашютах за линию фронта, чтобы во время атаки Третьего морского полка уничтожать связь врага, наво-

дить панику и пробиваться на соединение со своими. Среди них был краснофлотец Петр Королев. Ему не повезло: висевший на нем мешок с автоматом, кусачками, гранатами и прочими необходимыми на земле предметами в момент прыжка с размаху ударил его в лицо. Королев потерял сознание.

Очнувшись, он обнаружил себя падающим в темной пустоте. Он успел выдернуть кольцо парашюта и снова впал в беспамятство до самой встречи с землей. Новый удар привел его в себя. Он понял, что лежит на земле, что лицо его разбито, кровь ручьем хлещет из носа и что, вдобавок, сильно болит нога, вывихнутая при падении. Он уничтожил, как полагается, парашют, хозяйственно сунув в карман два клина шелка, чтобы вытирать кровь, неостановимо струящуюся по лицу, распаковал свой мешок, прислушался к стрельбе вокруг и пошел в нужном направлении.

Итти пришлось во весь рост — ползти не давала нога, а каждый наклон головы вызывал сильное кровотечение. Однако он все же сумел подобраться к вражеским окопам, перерезав по пути две-три линии связи, но к рассвету совершенно ослаб. Он присмотрел подходящую канавку, положил возле себя автомат и приготовленные к бою гранаты, но потеря крови снова лишила его сознания.

Очнулся он при ярком свете утра. Над канавкой стояли два фашиста — молодой и постарше, рассматривая его: очевидно, они решили, что перед ними труп! Королев схватился за автомат, но диск его выпал. Молодой солдат, увидев его движение, закричал «матрозен!» и ринулся бежать, пожилой замахнулся винтовкой, чтобы приколоть некстати ожившего моряка. Королев ухватился за ствол и рывком дернул фашиста. Тот упал в канавку, и моряк подмял его под себя.

Началась страшная, неравная борьба обессиленного от потери крови моряка со здоровым и сильным врагом.

Королев нашупал на поясе нож, но приподняться, чтобы освободить ножны, нехватало сил. Тогда он схватил гранату (запал которой был уже вставлен) и стал бить солдата по голове. Но, видимо, мало было у моряка сил — удары эти никак не могли оглушить фашиста. Так бывает во сне, когда движения вязнут в томительной вялости кошмара. На четвертом ударе пальцы моряка разжались и граната выпала. Фашист подхватил ее и со всей силой здорового человека ударили Королева по голове.

— У меня шарики в глазах запрыгали, — рассказывал потом Королев. — Только, знаете, как-то так вышло, что я не только с того не окосел, а напротив — даже очнулся... Такая меня злоба взяла — моей же гранатой меня же и по башке!.. Откуда силы взялись, — я ка-ак психану на него: заорал что-то, ударил его по руке... Граната у него и выпала, я ее опять ухватил. А он уже на мне... Я снизу бью его по черепу и развернуться неловко, и сил нет... А он перепугался, кричит так, что меня дрожь пробрала, — как заяц... Молочу его, а тут граната пришла в негодность: ручку свернул. А кулаком что сделаешь?.. Тут он чем-то меня огrel, я опять ничего не помню...

Придя в себя, Королев увидел, что солдат выскочил из канавки, захватив его пустой автомат и бросив свою винтовку. Подобрав ее, Королев понял, почему тот не стрелял: она тоже оказалась без патронов. Тогда, приподнявшись, он кинул вслед солдату вторую гранату, откатившуюся в борьбе в угол канавки. Опять нехватило сил — граната разорвалась слишком далеко от солдата и слишком близко от Королева.

Забыв о ноге, он побежал за солдатом: тот уносил оружие, без которого вернуться к своим было стыдно. Он догнал его и ударил прикладом его же винтовки по затылку. Солдат закричал и обернулся. Королев бросил винтовку и потянул к себе автомат — и опять началась неравная борьба сильного и здорового солдата, един-

ственной слабостью которого был страх и неуверенность в победе, с шатающимся, обессилевшим моряком, страшным в своей упрямой настойчивости и желании победить.

Они тянули автомат друг у друга, смотря в глаза и ругаясь каждый на своем языке. Потом Королев заметил в глазах солдата радость и злобу. Повернув на мгновение голову, он увидел, что тот смотрит на скачущего к нему всадника. Солдат снял левую руку с автомата и призвано замахал ею всаднику. Королев тоже снял одну руку с автомата, вспомнив, что на поясе еще висит последняя граната. Он поднял ее над головой, решив дождаться всадника и тогда бросить гранату себе под ноги, чтобы взорвать и себя, и обоих врагов.

— Стоим так и ждем. Я все на фашиста смотрю, думаю, не оглушил бы он меня свободной рукой... Тогда живым заберут, много ли мне было надо: дать раз,— и в глазах вовсе потемнеет. А у него выражение лица вдруг изменилось,— глаза выкатил, коробочку раскрыл и глядит мне через плечо. Я обернулся,— всадник уж рядом. Гляжу — мать честная! — это ж Коровников из первого батальона! Скачет к нам на полном газу, и ленточки вьются... Бросил солдат мой автомат — и тикать. Коровников его с хода одним выстрелом положил — и ко мне... А у меня и сил никаких нет: кончились...

Оказалось, что к утру первый батальон полка уже вышел к этой высотке. В кустах наткнулись на брошенную повозку с лошадьми (очевидно, двое фашистов, оставил здесь повозку и отходя к своим, и наткнулись на Королева). Заняв вражескую позицию, батальон готовился продвигаться дальше. И тут политрук батальона, осматривая местность в бинокль, увидел на высотке двух борющихся людей.

— Что за чорт? — сказал он недоверчиво.— А ну-ка, гляньте в снайперский прицел, он посильнее: никак там морячок французской борьбой с фашистом занимается?..

В прицел рассмотрели, что это был и точно моряк.

Все перипетии этой борьбы снайпер передавал любопытным, выжидая момента, когда можно будет безопасно для Королева выстрелить в солдата. Но политрук уже распорядился: Коровников вскочил на трофейную лошадь и весьма кстати прибыл на помощь Королеву.

9. БАТАЛЬОН ЧЕТВЕРЫХ

Этот бой начался для краснофлотца Михаила Негребы прыжком в темноту Бернее — дружеским, но очень чувствительным толчком в спину, которым ему помогли вылететь из люка самолета, где он неловко застрял, задерживая других.

Он пролегел порядочный кусок темноты, пока не решил дернуть за кольцо: это был его первый прыжок, и он опасался повиснуть на хвосте самолета. Парапашют послушно раскрылся, и если бы Негреба смог увидеть рядом своего дружка Королева, он подмигнул бы ему и сказал: «А все-таки вышло по-нашему!»

Две недели назад в Севастополе формировался отряд добровольцев-парашютистов. Ни Королев, ни Негреба не могли, понятно, упустить такого случая, и оба на вопрос, прыгали ли они раньше, гордо ответили: «Как же... в аэроклубе — семь прыжков». Можно было бы для верности сказать — двадцать, но тогда их сделали бы инструкторами, что, несомненно, было бы неосторожностью. Достаточно было и того, что при первой подгонке парашютов обоим пришлось долго ворочать эти странные мешки (как бы критикуя укладку на основании своего опыта) и косить глазом на других, пока оба не присмотрелись, как надо надевать парашют и подгонять лямки.

Однако все это обошлось, и теперь Негреба плыл в ночном небе, удивляясь его тишине. Сюда, в высоту, орудийная стрельба едва доносилась, хотя огненное кольцо залпов поблескивало вокруг всей Одессы, а с мо-

ря были корабли, поддерживая высадку десантного морского полка (с которым должны были соединиться парашютисты, пройдя с тыла ему навстречу). В городе кровавым цветком распускался большой высокий пожар. Там же, где должен был приземлиться Негреба, было совершенно темно.

Впрочем, вскоре и там он различил огоньки. Было похоже, будто смотришь с мачты на бак линкора, где множество людей торопливо докуривают папиросы, вспыхивая частыми затяжками. Это и была линия фронта, и сесть следовало на ней, в тылу у румын. Он потянул лямки, как его учили, и заскользил над боем вкось.

Видимо, он приземлился слишком далеко от боя, потому что добрый час полз в темноте, никого не встречая: Внезапно что-то схватило его за горло, и он с размаху ударили темноту кинжалом. Но это оказалось проволокой связи. Негреба вынул из мешка кусачки и перекусил ее в нескольких местах, ползя вдоль нее. Тут ему пришло в голову, что проволока может привести к какой-либо румынской части, где можно устроить порядочный аврал огнем из автомата.

Через час проволока привела в бурьян. Всмотревшись в рассветную мглу, Негреба увидел трех коней и поодаль — часового. Кони, почувствовав человека, захрапели, и пришлось долго выжидать, пока они привыкнут. За это время Негреба надумал, что можно снять часового, вскочить на коня и помчаться по деревне, постреливая из автомата. Он медленно пополз к часовому, держа в левой руке автомат, в правой кинжал. Но на ползке именно эта правая рука провалилась в непонятную яму и тотчас уперлась во что-то мягкое. Его кинуло в жар, и он замер на месте. Откуда-то из-под земли шли громкие голоса.

Наконец он понял: мягкое и упругое препятствие оказалось одеялом, закрывавшим отдушину погреба. Там слышался чужой голос, звенели шпоры, стучала пищущая машинка. Негреба осторожно прорезал кинжалом

дырку и заглянул в погреб. Очевидно, это был штаб батальона, может быть,— полка. Румынские офицеры сгрудились у стола за картой, по которой им что-то раздраженно показывал черноусый и давно небритый пожилой офицер. В углу на карточках сидели телефонисты. Они подозвали одного из офицеров, и тот начал кричать в трубку. Негреба под этот шум вынул из сумки гранату. Одной ему показалось мало. Когда в подвале снова начался громкий говор, он достал вторую, потом третью и связал их вместе. Он собрался было кинуть их в отдушину, но тут зацокали копыта, и к погребу подскакали еще двое. Негреба дал им войти и тотчас же похвалил себя за это: все офицеры в подвале вытянулись и встали смирно,— очевидно, один из вошедших был большим начальником

Негреба швырнул гранату в отдушину и кубарем покатился в бурьян. Часовой крикнул, но в подвале грянуло и рвануло, и часовой исчез неизвестно куда.

Уже рассвело, когда Негреба вышел в тыл переднего края румынских окопов. Он залег в копне и стал выжидать. Промчался одинокий всадник. Он скакал во весь дух, оглядываясь и пригибая голову к шее коня. Негреба навел на него автомат, но где-то близко простояла очередь, и всадник свалился. Негреба обрадовался: видно, рядом прятался еще один наш парашютист. Снова застучал автомат, и теперь Негреба понял, что парашютист бьет из кустов неподалеку по румынам, которых отсюда не было видно.

Он решил переползти по кукурузе к товарищу (все же вдвоем лучше), но тут завыли мины и стали рваться у кустов одна за другой, и автомат замолк. Тогда из ложбинки показались десять-двенадцать румын. Двое тащили миномет, остальные беспрерывно стреляли по кустам, где сидел неизвестный Негреbe товарищ. Негреба в трескотню их выстрелов добавил свою. Несколько румын упало, остальные кинулись в кукурузу, бросив мино-

мет. Все снова стихло, только издали доносилась стрельба.

Он пополз к кустам и нашел там Леонтьева, одного из моряков их парашютного отряда. Тот лежал ничком, раненый осколками мины. Негреба повернул его. Леонтьев открыл глаза, но тут же закрыл их и негромко сказал:

— Миша... пристрели... не выбраться...

Негреба взглянул в его белое восковое лицо и вдруг отчетливо понял, что тут, в этих кустах, он найдет и свой собственный конец: пронести Леонтьева через фронт один он не сможет, оставить его здесь одного или выполнить его просьбу — тоже. Все в нем похолодело и заныло, и он ругнул себя, — нужно ему было лезть сюда... Шел бы сам по себе, целый и сильный, выбрался бы... Но хотя жалость к себе и своей жизни, с которой приходится расставаться из-за другого, и сжимала его сердце, он прилег к Леонтьеву и сказал так весело, как сумел:

— Это, друг, всегда поспеется... Сперва перевяжу... Отсидимся: двое — не один..

На перевязку ушли оба пакета — и леонтьевский и свой. После перевязки Леонтьев почувствовал себя лучше. Негреба устрисил его поудобнее, всунул ему в руки автомат и сказал:

— Ты у меня за кинжалную батарею будешь. Лежи и нажимай спуск, только и делов. Отобьемся. Слыши, наши близко.

В самом деле, впереди, за румынскими окопами, шла яростная стрельба. Видимо, десантный полк атаковал румын. Но от этого было не легче: скоро румыны, выбитые из окопов, хлынут назад, и кустик с двумя моряками окажется как-раз на пути их отступления. Надо было приготовиться к этому. Негреба выложил перед собой гранаты, запасный диск к автомату и повернулся к Леонтьеву.

— Гранаты у тебя есть?

— Есть,— ответил тот, примерясь, сможет ли он хоть немножко водить перед собой автомат.— Три штуки. Гранаты возьми, а диск мой не тронь. Сам стрелять буду.. Наложим их, Миша, пока дойдут?

— Факт, наложим,— сказал Негреба, и они замолчали.

Бой приближался. Стрельба доносилась все ближе. Солнце уже грело порядочно, и теплый горький запах трав подымался от земли. Ждать последнего боя и с ним смерти — было трудно. Сбоку, метрах в трехстах, виднелась глубокая балка, где можно было бы отлично зержаться и бить румын с фланга. Но перенести туда Леонтьева он не мог.

Он заставил себя смотреть перед собой, на ложбинку, откуда должны были появиться враги. И уже хотелось, чтобы это было скорее: ему показалось, что нервов у него нехватит и что, если это ожидание еще продлится, он оставит Леонтьева в кустах и один поползет к балке, в сторону от отходящих батальонов.

— Наши сзади,— сказал вдруг Леонтьев.— Слышали?

Негреба и сам слышал сзади четкие недолгие очереди, но боялся этому верить. Теперь он приподнял голову. Сзади, и точно, время от времени трещали автоматы. Леонтьев зашевелился и закричал слабым, хриплым голосом:

— Моряки!.. Сюда!..

Он попытался подняться, но сил у него нехватило. Негреба высунул голову из куста и в желтой кукурузе увидел неподалеку черную бескозырку, левее — вторую. Он встал во весь рост и замахал рукой:

— Моряки!.. Перепелица, чертяка, право на борт, свои!

Два парашютиста выскочили из кукурузы и перебежали к кустам.

Это были Перепелица и Котиков. Они прилегли в куст, и Негреба наскоро сообщил им обстановку и свой план: перебежать в балку и бить отходящих румын с фланга.

— Тут нам не позиция, тут нас, как курей, задушат,— сказал он.— Хватайте гранаты и тащите Леонтьева, я прикрывать буду.

Котиков и Перепелица подняли раненого. Тот стиснул зубы и закрыл глаза: каждый толчок на бегу отдавался острой болью. До балки оставалось еще метров восемьдесят, когда из ложбинки затрещали выстрелы и выскочило больше десятка румын. Негреба ответил огнем из автомата, но и остальным двоим пришлось положить Леонтьева и вступить в бой. Часть румын повалили пулями, часть гранатой, которую кинул Негреба, выдвинувшись к ложбинке. Побежали дальше, но снова пришлось залечь и уничтожить еще девять солдат, которые, видимо, предпочли раньше других податься в тыл. Отбившись от них, моряки, наконец, скатились в балку и там нашли еще одного парашютиста — Литовченко. Он лежал, хозяйственно обложившись гранатами, и выставил из травы черное дуло автомата. Увидев краснофлотцев, он возбужденно сказал:

— А я уж думал — мне труба. Лежу один, как перст, а их сейчас попрет — только считай... Ну, теперь нас — сила! Продержимся.

Леонтьев был без сознания. Негреба осмотрел повязки, они были в крови. Тогда он снял с себя форменку, разорвал ее и сделал новую перевязку. Перепелица тем временем достал бисквиты и шоколад.

— Позавтракаем пока, что ли,— сказал он, и остальные тоже вынули свои пайки. Но сухие бисквиты не лезли в горло, а шоколад забивал рот, и проглотить его было трудно. Во рту пересохло от бега, солнце уже пекло и каждый из них дорого дал бы за глоток воды? Но все, оказывается, опорожнили свои фляги еще ночью.

Только у Литовченко случайно оказалось немного воды, и он протянул фляжку Негребе:

— Дай ему. Горит человек.

Негреба осторожно влил воду в рот Леонтьева. Тот глотнул и открыл глаза.

— Держись, Леонтьич,— сказал Негреба,— гляди, нас теперь сколько. Факт, проблемся!

Леонтьев не ответил и снова закрыл глаза. Перепелица вдруг выругался.

— Не то мы сделали. Нам бы не завтракать, а миномет стащить. Пропадает хозяйство. И мины рядом лежат...

Все посмотрели на брошенный румынами миномет, и Литовченко поднялся:

— Давай со мной кто, притащим

— Лежи уж,— сердито сказал Перепелица.— Попери руманешти, гляди!

И точно, из ложбинки прямо на те кусты, где недавно еще были моряки, выбежала первая голла отступающих румын. Впереди всех и быстрее всех бежало несколько немецких автоматчиков. Они добежали до кустов, залегли и открыли огонь по отступающим румынам.

— Вот это тактика! — удивился Негреба.— Что ж, морячки, поможем фрицам?.. Только, чур, не по-ихнему: прицельно бить, не очередями.

Он засучил рукава тельняшки и выстрелил первым в офицера, размахивающего пистолетом. Из балки во фланг отступающим ударили пули моряков.

Можно было и не стрелять. Румыны не заметили бы этой горсточки, спрятанной в балке, тогда они прошли бы к себе в тыл без потерь. Но моряки стреляли, открывая огнем свое присутствие здесь, стреляли, зная, что каждый выстрел уничтожает еще одного врага, стреляли, помогая атаке моряков десантного полка.

Под этим огнем офицерам не удалось ни остановить, ни собрать выбежавшие из окопов роты. Тогда немецкие

автоматчики перенесли огонь на моряков, и кто-то из офицеров собрал десятка два солдат и повел их на балку. Это был уже настоящий бой. Моряки отбили две атаки. Наконец волна румын прошла, оставив в кукурузе и у балки неподвижные тела. Перепелица оглянулся на поле боя.

— Порядком наложили,— сказал он удовлетворенно.— А как у нас с патронами, ребята?

С патронами было плохо. На автоматчиков и на отражение двух атак моряки израсходовали почти весь запас. Это было тем хуже, что теперь должны были побежать румыны соседнего участка и, по всем расчетам, они неминуемо должны были наскочить на балку. Негреба предложил повторить маневр и перебраться в соседнюю, которая опять окажется с фланга отступающих, но, посмотрев на Леонтьева, сам отказался от этой мысли. Моряки помолчали, обдумывая. Потом Негреба сказал:

— Что же... Видно, тут надо держаться. Патроны беречь на прорыв. Этбиваться будем только гранатами. По тем, кто вплотную набежит.

Они замолчали, выжидая, когда появятся враги. Потом Перепелица достал из мешка офицерский пистолет и посмотрел обойму.

— Шесть патронов,— сказал он.— А нас пятеро. Хватит. Разыграем, что ли, кому? Понятно?

— Понятно,— сказал Литовченко.

— Ясно,— подтвердил Котиков.

— Точно,— добавил Негреба.

Он сорвал четыре травинки и откусил одну, подравнивая концы, зажал в кулак и протянул Литовченко.

— Откуда у тебя ихний пистолет? — спросил тот Перепелицу, вытягивая травинку, и закончил облегченно: — не мне, длинная.

— Пристукнул ночью офицера в кукурузе,— ответил Перепелица.— Вещь не тяжелая, а пригодится. Тащи ты, Котиков.

— Может, лучше свои патроны оставить, — раздумчиво сказал тот, осторожно таща травинку. — Погано ихними-то пулями...

— Коли ранят, с автоматом не управляешься а этим и лежа всех достанешь, — сказал Перепелица деловито и потянул травинку сам. — Тоже длинная. Выходит, Миша, тебе... Только ты не торопись. Когда вовсе конец будет, понятно.

— Ясно, — сказал Негреба и положил пистолет под руку.

— Кажись, пошли, — негромко сказал Котиков. — Ну моряки... Коли ничего не будет, свидимся.

И моряки замолчали. Только изредка стонал Леонтьев. Перепелица перекинул Негребе бушлат:

— Прикройся. Лежиши, что зебра полосатая. За версту видать.

— Все одно видать, — ответил Негреба. — Лучше уж так. Хоть узнают, что моряки.

И они снова замолчали, вглядываясь в лавину румын, покатившуюся к балке.

Румыны выбегали из окопов, падали на землю, отстреливаясь от кого-то, кто наседал на них, снова вскакивали, перебегая метров на пять-шесть. Они двигались плотно цепью, почти рядом друг с другом, и с каждой перебежкой все ближе и ближе были к горсточке моряков. Около сотни их побежало прямо на балку, видимо, чуя, что тут они смогут укрыться от огня преследующих их моряков десантного полка. Они еще раз залегли, отстреливаясь, и потом, как по команде, вскочили и ринулись к балке.

Уже видны были их лица, небритые, вспотевшие, искаженные ужасом. Они были так близко, что тяжелый запах пота, казалось, ударял в нос. Они бежали к балке молча и дружно, упрямо и скученно, как испуганное стадо, которое все сметает со своего пути.

И тогда на их пути встал Негреба, встал во весь

рост,— крепкий и ладный моряк в полосатой тельняшке, с автоматом в левой руке и с поднятой гранатой в правой.

— Эй, руманешти, ограбай матросский подарок! — крикнул он в исступлении и швырнул гранату. Вслед за ней из балки вылетели еще три. Четыре взрыва ахнули в потном стаде. Румыны попадали. Другие отшатнулись и, петляя, как зайцы, кинулись по сторонам. Моряки бросили еще четыре гранаты. Проход расширился. Перепелица крикнул:

— Мишка, а ведь прорвемся: хватай Леонтьева!

Моряки мгновенно поняли его, и каждый свободной рукой подхватил раненого. Они ринулись в образовавшийся проход между румынами, и Леонтьев от боли пришел в себя и снова стиснул зубы, чтобы вытерпеть этот стремительный яростный бег. Они проскочили уже самую гущу, когда он увидел, что румыны кинулись за ними. Он разжал зубы и глянул на Перепелицу:

— Бросьте меня... Пробивайтесь...

Перепелица выругал его на бегу, и он замолчал.

Румыны подскочили уже близко: моряков было всего пятеро, а их сотни. Они, видимо, поняли это и решили взять моряков живьем. Рослый солдат прыгнул на Перепелицу, пытаясь ударить его штыком. Котиков выпустил ногу Леонтьева и выстрелил румыну в затылок, но другой кинулся на него. Перепелица подхватил румынскую винтовку и сильным ударом штыка повалил солдата, за ним — второго и третьего. Потом он бросил винтовку, сорвал с пояса гранату и далеко кинул ее в подбегавших солдат. Те отшатнулись, но граната взорвалась среди них. Оставшиеся в живых залегли и открыли огонь. Пули засвистели вокруг моряков. Перепелица упал и крикнул:

— Тащите вдвоем, мы с Котиковым задержим!

Оба они упали в траву и стали отстреливаться последними патронами. Негреба и Литовченко тащили ползком Леонтьева, а остальные двое, сдерживая румын редким,

но точным огнем, поползли за ними. Наконец румыны отстали, спеша уйти в тыл, а моряки неожиданно для себя провалились в опустевший румынский окоп.

Тут они опомнились и осмотрелись. У Котикова пулей была пробита щека, у Перепелицы две пули сидели в ляжке, Литовченко тоже обнаружил, что он ранен. На перевязки ушли все форменки.

Румыны были уже далеко за кустами, и впереди, очевидно, были только свои. Моряки устроили Леонтьева в окопе поудобнее, принесли ему воды, обмыли и напоили, положили возле него румынский автомат и гранаты, найденные в окопе. Он смотрел на все эти заботы, слабо улыбаясь, и глаза его, полные слез, лучше всяких слов говорили о том, что было в его душе. Взгляд этот, вероятно, смутил Негребу, потому что он встал и сказал с излишней деловитостью:

— Полежи тут, большие трясти не будем. Сейчас носилки пришлем. Идем своих искать.

И они встали в рост — четыре человека в полосатых тельняшках, в черных бескозырках, окровавленные, перевязанные обрывками форменок, но сильные и готовые снова пробираться сквозь сотни врагов. И, видимо, сами они поразились своей живучей силище, и Перепелица сказал:

— Один моряк — моряк, два моряка — взвод, три моряка — рота. Сколько нас? Четверо?.. Батальон, слушай мою команду: шагом... арш!

10. ВОРОБЬЕВСКАЯ БАТАРЕЯ

Зенитная батарея Героя Советского Союза Воробьева была уже знакома фашистам по декабрьскому штурму. Тогда длинные острые иглы ее орудий, привыкших искать врага только в небе, вытянулись по земле. Они были бронебойными снарядами по танкам, зажигательными — по машинам, шрапнелью — по пехоте. Краснофлот-

цы точным огнем из автоматов и бросками гранат останавливали фашистов, яростно лезших на батарею, внезапно возникшую на пути к Севастополю.

Теперь, в июне, батарея снова закрыла собой дорогу к городу славы.

На этот раз фашисты бросили на нее огромные силы. Самолеты пикировали на батарею один за другим. Дымные высокие столбы разрывов закрывали собой все расположение батареи. Но когда дым расходился и дождь взлетевших к небу камней опускался на землю,— из пламени и пыли вновь протягивались вдоль травы острые длинные стволы зениток, и снова точные их снаряды разбивали фашистские танки.

Наконец орудия были убиты.

Они легли, как отважные бойцы, лицом к врагу, вытянув свои стройные изуродованные стволы. Батарея держалась теперь только гранатами и ручным оружием краснофлотцев.

Как дрались там моряки, как ухитрились они держаться еще несколько часов, уничтожая врагов, что происходило на этом клочке советской земли, остававшемся еще в руках советских людей,— не будем догадываться и выдумывать.

Пусть каждый из нас молча, про себя прочтет три радиограммы, принятые с воробьевской батареи в последний ее день:

«12—03. Нас забрасывают гранатами, много танков, прощайте товарищи, кончайте победу без нас».

«13—07. Ведем борьбу за дзоты, только драться некому, все переранены».

«16—10. Биться некем и нечем, открывайте огонь по компункту, тут много немцев».

И четыре часа подряд била по командному пункту исторической батареи двенадцатидюймовая морская береговая.

И если бы орудия могли плакать, кровавые слезы падали бы на землю из их раскаленных жерл, посылающих снаряды на головы друзей, братьев, моряков,— людей, в которых жила морская душа, высокая и страстная, презирающая смерть во имя победы.

11. В СТАРОМ РАВЕЛИНЕ

Эту старинную крепость знает всякий, кто бывал в Севастополе.

У самого выхода из бухты стоит на Северной стороне каменный форт, отвесно опуская свои высокие стены в лазоревую воду бухты. Почти сто лет тому назад он видел в этой прозрачной воде черные громады восьмидесяти-четырех-пушечных кораблей, затопленных поперек входа в бухту героями первой севастопольской обороны, и снятые с этих кораблей морские пушки были тогда по врагам из широких его амбразур.

Во второй севастопольской обороны правнуки нахимовских матросов снова подняли над старым равелином гордое знамя черноморской славы.

Равелин был очень нужен врагу. Завладев им, фашисты могли окончательно прекратить всякую возможность прохода в море катеров и кораблей. Равелин запирал выход из бухты, и немцы стремились как можно скорее овладеть им.

В последние трагические дни обороны Севастополя семьдесят четыре краснофлотца охраны водного района под командой капитана третьего ранга Евсеева и батальонного комиссара Кулинич дали героическому городу слово — держать равелин и выход из бухты. Они поднялись на древние каменные стены с автоматами в руках. В первой же немецкой атаке моряки уложили более пятидесяти автоматчиков, заставив остальных отхлынуть.

Тогда фашисты бросили на равелин большие силы. На старую крепость пошли танки. Сотни снарядов стали па-

дать на гранитные стены. Эти стены умели когда-то выдерживать удары круглых бомб первой севастопольской осады, но острых и сильных современных снарядов они выдержать не смогли. Стены равелина стали рушиться, заваливая собой моряков.

Атака за атакой, с фронта и с флангов, танками и пехотой, одна за другой накатывались на равелин, накатывались и разбивались, как волны. В промежутках между атаками на старый форт падали новые сотни снарядов. Они пробивали в его стенах огромные бреши, они разваливали стены, и высокое облако сухой каменной пыли подымалось столбом к синему крымскому небу. Но каждый раз, когда немцы с гиканьем и воплями победы устремлялись на это облако пыли, из развалин били по ним очереди автоматов и пулеметов, и атака вновь захлебывалась.

Зашитников форта было мало, и каждому из них приходилось драться за целую роту. На левом фланге стоял одинокий пулемет, и возле него лежал один только моряк-комсомолец Компаниец, выжидая, когда на разбитые стены полезут враги. Шестьдесят немецких автоматчиков хлынули в образовавшийся после обстрела провал стены. Компаниец одной длинной очередью повалил тридцать врагов, и остальные откатились.

Обстрел, атаки, натиск танков продолжались три дня. Трое суток семьдесят четыре моряка противостояли огромным силам и технике врага. За широкими спинами моряков был выход из бухты, там должны были приходить корабли, и равелин надо было держать. Надо... И моряки держали равелин трое суток, пока не вышли из бухты все корабли и катера, и ни одному фашисту не удалось пройти через развалины равелина до прозрачной лазоревой воды.

Стены равелина рушились, обвалы засыпали моряков. Краснофлотцы выползали из-под камней, отряхиваясь, и снова втискивались в щели между развалинами, выиски-

вая цель для каждой своей пули. Даже получив ранение, они снова ползли на камни, с трудом таща за собой автомат, и снова били врага.

На воде, у стен равелина, стояли шлюпки. Можно было сесть в них и оставить равелин. Можно было уйти из этого ада, держаться в котором, казалось, уже не было возможности. Но это означало — отдать врагу выход из бухты. Это означало — отрезать путь тем, кто мог еще уйти из Севастополя.

И шлюпки стояли у стен равелина в тихой, прозрачной воде бухты, прислушиваясь к разрывам снарядов, к грохоту обваливающихся камней, к трескотне автоматов, к долгой речи пулеметов. Они стояли и ждали, и мимо них проходили в море корабли и катера гернического города. Ждать им пришлось долго — трое суток. Только тогда из облака каменной пыли вышли моряки, неся раненых и оружие: приказ отозвал моряков на последний корабль.

И видели шлюпки еще и такое. К концу второго дня боя к ним поднесли раненого. Это был радист, комсомолец Грошов, старшина второй статьи. Его откопали из-под стенки, поваленной очередным снарядом, и решили отправить на тот берег. У воды он очнулся и понял, что его несут к шлюпкам. Он поднял голову.

— Давай назад, — сказал он хрипло. — Я еще не мертвый, куда тащите? Есть пока силы бить поганую немчуру. Неси назад...

Моряки молча шли к шлюпкам.

— Назад неси, говорю! — крикнул он, приподымаясь на носилках.

И столько ярости было в этом окрике раненого, что моряки повернули у самых шлюпок и понесли его к разваленной стене равелина, с которой били по врагам из автоматов правнуки севастопольских матросов, строивших когда-то этот старый равелин.

12. И МИНОМЕТ БИЛ...

В разведке под Севастополем трое краснофлотцев вышли на минометную немецкую батарею. Они бросили в окоп несколько гранат и перестреляли разбегающихся немцев. Батарея замолкла. Казалось, можно было бы возвращаться — не каждый день бывает такая удача. Но минометы были целы, и рядом лежало несколько ящиков мин.

— А что, хлопцы,— сказал раздумчиво Абрашук,— мабуть, трошки покидаемся по немцу?

Он взялся наводить, Колесник — подносить ящики с минами, а третий разведчик армянин Хастян, стал к миномету заряжающим.

Немецкие мины полетели в немецкие траншеи, нанося там серьезный урон, и все пошло хорошо. Наконец, фашисты догадались, что по ним бьет их же собственный миномет. На троих моряков посыпались снаряды и мины.

Казалось бы, пора было подорвать миномет и оставить окоп. Но моряки заметили, что их батальон, воспользовавшись неожиданной поддержкой миномета, поднялся в атаку. Тогда они решились бить по немецким траншеям, пока хватит немецких мин.

И миномет бил по фашистам. Все ближе и все чаще рвались рядом с моряками немецкие снаряды. Разрывы стали обсыпать краснофлотцев землей, осколками — визжать над ухом. Колесник упал: его ранило в ноги. Переязавшись, он ползком продолжал подтаскивать к Хастяну ящики с минами.

И миномет бил по фашистам. Он бил яростно и не прерывено. Снова в самом окопе грохнул немецкий снаряд. Хастяну оторвало кисть руки. Моряки перетянули ему руку бинтом, остановили кровь. Он встал, шатаясь, протянул здоровую руку за очередной миной, которую подал ему с земли подползший Колесник, и опустил ее в ствол.

И миномет бил по фашистам. Он бил до тех пор, пока до окопа не добежали краснофлотцы, ринувшиеся в атаку.

Даже видавшие виды бойцы ахнули при виде трех кровавленных моряков, методически и настойчиво посылавших немцам мину за миной: один—безногий, другой—безрукий, третий — неразличимо перемазанный кровью и землей.

Раненых тотчас понесли в тыл. А Абрашук сказал:

— Эх, расстроили нашу компанию... Ну, становись к миномету... желающие... Тут еще полный ящик, бей по левой траншее, а я вперед пойду...

Он подобрал немецкий автомат и бросился вслед за атакующими моряками.

13. ПОСЛЕДНИЙ ДОКЛАД

С берега, вероятно, казалось, что на середине реки росла какая-то странная, передвигающаяся рощица белоствольных деревьев. Светлые и зыбкие, возникающие из воды и медленно опадающие,— они прорастали на пути маленького катера, и пышные, сверкающие водяной пылью, их кроны осыпались металлическими плодами.

Это был ураганный огонь с обоих берегов по узости реки. Катер, пробирающийся в этом лесу всплесков, мешался вправо и влево.

Командир его был уже ранен. Он навалился всем телом на крышу рубки и смотрел только перед собой, угадывая по всплескам, где вырастет следующая смертоносная рощица. Он командовал рулем, и каждая его команда спасала катер от прямого попадания. Чтобы проскочить эту узость и спасти катер, надо было все время кидаться из стороны в сторону, сбивая пристрелку врага: И командир выкрикивал слова команды, все вперед, беспрерывно меняя курс.

Но порой рощица светлых зыбких деревьев прораста-

ла у самого катера, иногда сразу с обоих бортов. Это было накрытие. Тогда вода обдавала катер обильным душем, и вместе с водой на палубу падали осколки, грохоча и взвизгивая. После одного из таких накрытий рулевой не ответил на команду, и командир подумал, что тот ранен или убит, и хотел обернуться к нему, хотя двинуться ему было трудно. Но катер выполнил маневр: командир понял, что все в порядке, и продолжал командовать рулем,— и катер послушно выполнял малейшее его желание, мчась по реке зигзагами.

Наконец водяные рощи стали редеть. Только отдельные всплески преследовали катер. Потом и они остались за кормой, и впереди распахнулся широкий и мирный плес. Катер выскочил из обстрела, и на реке встала тишина, показавшаяся командиру странной.

И в этой тишине он услышал за собой негромкий доклад:

— Товарищ командир... управляться не могу...

Он обернулся. Рулевой всем телом повис на штурвале. Лицо его было белым, без кровинки, глаза закрыты. Руки еще держали штурвал, и когда он медленно пополз, падая на палубу, эти руки повернули штурвал. Катер резко метнулся к берегу.

Командир перехватил штурвал и крикнул, чтобы рулевому помогли.

Когда его подняли, он был мертв. Ступня левой ноги его была оторвана, и вся палуба у штурвала была в крови.

Это было на катере 034. Рулевым его был старшина второй статьи Щербаха, черноморский моряк.